

Дискуссии

Алла Градинарова (Болгария)

Евгений Зарецкий (Германия)

ТРАНЗИТИВАЦИЯ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ ПО НОВЫМ МОДЕЛЯМ: ЯЗЫКОВАЯ ТЕНДЕНЦИЯ ИЛИ ИГРА СО СЛОВОМ?

Поводом для написания этой статьи стало знакомство с сетевым проектом *Дар слова* (http://old.russ.ru/krug/20021104_slovo.html). Автор проекта профессор-культуролог и философ из университета Эмори (штат Атланта, США) г-н М.Эпштейн «основной темой» *Дара слова* объявляет «искусство создания новых слов и понятий, пути обновления лексики и грамматики русского языка, развитие корневой системы, расширение моделей словообразования». Проект направлен на закрепление в русском языке разного рода девиаций, некоторые из которых представлены в текстах Рунета.

Сразу надо оговориться, что к языковедческим изысканиям проф. М.Эпштейна мы относимся с изрядной долей скепсиса, а его лингвокультурологические откровения и мессианские программы способны вызвать легкий шок, демонстрируя лингвистическую и психолингвистическую некомпетентность их автора. Нам не хотелось бы невольно рекламировать широкие лингвистические проекты проф. М.Эпштейна, но без нескольких ссылок на один из них, очевидно, не обойтись.

Так, предлагая читателю философско-мировоззренческое обоснование своей программы по транзитивации русских непереходных глаголов, проф. М.Эпштейн отмечает: «Преобладание непереходности в русском языке способствует становлению *непереходного мировоззрения*, для которого вещи случаются, происходят, движутся сами собой...» [Эпштейн 2007]; «В языке с неразвитой категорией переходности мысль обречена вращаться в кругу непереходно-возвратных отношений, где деятель действует сам на себя или сам из себя, но при этом ничего не делает: *трудится*, но не *трудит*, *улыбается*, но не *улыбает*, сомневается, но не *сомневает*... Не настало ли время обратить вспять тенденцию русского языка к утрате коренных переходных глаголов, сохраняющихся лишь в своей возвратно-непереходной форме? Не пора ли, напротив,

обращать непереходные глаголы в переходные всюду, где это позволяет чувство языка и здравый смысл, а также растущая потребность общества в расширении глагольной системы и круга активно обозначаемых действий? И тогда возникнет “транзитивное” общество, способное укрощать самочинные действия вещей и внедрять в них свою причину, каузацию, целеполагать то, что на него возлагается “порядком вещей”» [Эпштейн 2005] и т.п.

Надо отдать должное проф. М.Эпштейну. В отличие от многих современных лингвокультурологов, противопоставляющих «неразвитый» русский язык (отражающий склонность его носителей к пассивности, фатализму, агностицизму, антирационализму и проч.) продвинутому английскому, он видит явные ментальные недостатки и в последнем: «Даже в английском языке, где глаголы движения, как правило, “опереходились”, глаголы существования остаются сугубо непереходными: be, exist, live, die, emerge, disappear... <...> Подчеркнем: *транзитивация* нужна не только русскому, но даже и весьма транзитивно развитому и все-таки еще грамматически недостаточно гибкому английскому языку. *Быть, существовать, жить, исчезать кого-то* – значит делать так, чтобы кто-то был, существовал, жил, исчезал» [Эпштейн 2007].

«В русском языке, – пишет проф. М.Эпштейн, – пока еще практически нет глаголов, которые одновременно могли бы выражать и переходные, и непереходные значения. Употребляются в переходном значении единичные непереходные глаголы, такие как “уйти”, “уехать” и “поступить”, и то лишь в разговорном языке и, как правило, в шутовском или ироническом значении» [там же]. Приводимые проф. М.Эпштейном «характерные» примеры типа *Кто девушку ночует, тот ее и завтракает* доказывают, по его мнению, что «зона употребления непереходных глаголов как переходных постепенно расширяется, оставаясь при этом в рамках сугубо разговорного, “ненормативного” стиля речи» [там же]. Определенно проф. М.Эпштейн видит в подобных употреблениях проявление языковой тенденции, ибо «[о]бычно все начинается так: новые грамматические тенденции пробиваются в разговорном или даже просторечном стиле, под знаком сниженной, иронической, шутовской экспрессии, демонстративно нарушая языковую норму, как бы играя с ней... И лишь постепенно эти тенденции усваиваются языком в целом» [там же].

Проф. М.Эпштейн считает, что несуществующие еще в русском языке «переходные аналоги» непереходных глаголов «незачем выдумывать, они функционально уже заданы в самом языке, нужно просто выделить эту **функцию переходности** в массе непереходных глаголов и научиться ею

пользоваться. Если у непереходного глагола нет соответствующей пары, лучший выход – употребить **сами эти глаголы** в качестве переходных, в переходном значении. У глаголов *ходить* и *плавать* нет переходной пары, нет глаголов, обозначающих “сделать ходящим”, “сделать плавающим” (как вешать – “делать висящим”); значит, сами эти глаголы могут употребляться как переходные: *ходить, плавать кого, что...* [там же].

Как видно из приведенных цитат, проф. М.Эпштейн предлагает из каждого непереходного русского глагола при возможности получать переходный, т.е. «рационализировать» систему русского синтаксиса, введя в нее простое правило транзитивации, подобное тому, что действует в английском языке. Далее в тексте проф. М.Эпштейна, конечно, следуют примеры из английского, призванного послужить чем-то вроде положительного ориентира для погрязшего в болоте непереходности русского.

Примеры из английского и составленные по их подобию русские примеры (типа *Там канава, прыгни лошадь!*) сопровождаются откровенными и довольно грубыми спекуляциями на тему связи языка и мышления с выходом в сферы культуры и политики, например: «Придать каждому непереходному глаголу переходную функцию – значит мобилизовать ресурсы языка на то, чтобы **изменить мышление языкового сообщества**, внести в него динамику переходности, субъектно-объектных отношений»; «Иными словами, “run” – это *бегать* и вместе с тем *делать так, чтобы бежали другие*, чтобы все вокруг бегало. Скажем, президент Клинтон не только сам бегал по утрам, он еще и бегал всю Америку (“ran the state”), т.е. управлял ею как государством, заставлял ее бегать. А вот в русском языке даже тот президент, который сам хорошо бегают, не может **“бегать страну”**; не потому ли она и при энергичном президенте остается инертной, бегать не желает? Полезно было бы поставить и такой вопрос: не как президент *правит* страной (т.е. подчиняет ее себе), а как он **бегают страну**, как он **бегают** свою администрацию, аппарат, чиновников, служащих? Насколько он способен сделать так, чтобы они быстрее бегали? Способен ли он **разбежать** народ в будущее? Тогда мы получили бы более надежный инструмент для оценки деятельности высшего руководства. Оно тоже нуждается в проверке на **переходность** своих действий. Может быть, оно только работает, но мало что делает?» [там же]; ср. также в другом разделе той же статьи: «“Человек работает” (неперех. гл.). Это значит, что он находится в рабочем состоянии, является работающим, но это еще не значит, что он что-то делает, производит. То же самое: “Человек трудится” (неперех. гл.). Вся страна по имени СССР работала и трудилась, а вот что при этом делалось, зарабатывалось, производилось?».

Проф. М.Эпштейн заблуждается, утверждая, что «[н]ет ничего противного природе русского языка в том, чтобы использовать переходные глаголы как переходные» [там же]. Каждый закончивший российскую среднюю школу и вообще каждый изучавший русскую грамматику человек знает, что русский язык располагает достаточным арсеналом формальных средств для выражения значения переходности. «Прямо-переходные значения, – писал В.В.Виноградов, – присущи не только значительной части (приблизительно 1/3) бесприставочных глаголов, но и непрерывно образуются посредством префиксации невозвратных непереходных и косвенно-переходных глаголов. Целый ряд значений у разных приставок неразрывно связан с образованием переходного значения глагола» [Виноградов 1972: 506]. Роль префиксов в русском языке была, по замечанию В.В.Виноградова, «ярко обрисована В.И.Далем и Н.П.Некрасовым, иллюстрировавшим картинность, изобразительность представления действия в русском глаголе как результат игры красок и смены приставок» [там же]. «Н.П.Некрасов, – продолжал В.В.Виноградов, – анализом значений приставок достаточно убедительно показал, что сужение объема действия, картинное ограничение его “пространства” ведет к окружению глагола объектами, к осложнению его обстоятельственных отношений» [там же].

Переходные глаголы в русском языке образуются посредством приставок *вы-* (*выиграть*), *за-* (*заворожить*), *из-/ис-* (*исходить*), *на-* (*наработать*), *о-/об-* (*оплакать*, *обскакать*), *от-* (*отгадать*), *пере-* (*перебежать*), *про-* (*проехать*) и др. Производство русских переходных глаголов очень продуктивно с участием суффикса. Так, с помощью суффикса *-и* и префиксов *вы-*, *за-*, *на-*, *о-*, *об-*, *обез-/обес-*, *пере-*, *по-*, *под-*, *при-*, *про-*, *раз-*, *с-*, *у-* и др. образуются переходные глаголы от именных основ (*выяснить*, *заиторить*, *насытить*, *облегчить*, *осчастливит*, *обескровить*, *пересилить*, *повысить*, *подновить*, *приземлить*, *прояснить*, *разоружить*, *снизить*, *упорядочить*). Только посредством суффикса *-и* переходные глаголы образуются от основ прилагательных (*синить*).

Проф. М.Эпштейн хочет привить синтетичному русскому языку стратегии аналитического английского, игнорируя тот факт (или не зная о том), что структурные механизмы каждого конкретного языка теснейшим образом связана с его типологическими особенностями. Так, возможность употребления английской глагольной лексики как в непереходном, так и в переходном значении обусловлена состоянием английской грамматической системы.

Бедность морфологии в английском языке не позволяет активно использовать аффиксы для транзитивации и интранзитивации глаголов.

«В английском (аналитическом) языке, – отмечает М.А. Аполлова, – приставки и суффиксы грамматической функции на современном этапе зачастую не выполняют, и если они имеются в слове, то сохраняются только как исторически сложившиеся его части» [Аполлова 1977: 48]. Тот факт, что один английский глагол может соотноситься с двумя русскими – переходным и непереходным (*to begin* – *начинать* и *начинаться*; *to open* – *открывать* и *открываться* и под.), является одной из иллюстраций широко известной многозначности английской лексемы, в частности глагольной. Сама же эта многозначность и, конкретно, способность английского глагола в зависимости от контекста выражать переходное или непереходное значения связана с действием компенсаторных механизмов, возмещающих «синтаксическую скованность» английского языка «большой свободой в морфологическом и семантическом отношении» [там же: 49].

Следствием бедности английской системы аффиксации является и приобретение английскими непереходными глаголами свойств каузативов: «Для английского языка типичными являются конструкции, в которых непереходный глагол становится переходным в каузативном значении ‘заставить кого-л. или что-л. выполнять соответствующее действие’, например: *to fly a plane*, *to run a pencil* и пр. Возможность такого рода конструкций привела к широкой употребительности лаконичных и выразительных сочетаний типа *to laugh smb. out of the room* (букв.: ‘заставить кого-л. выйти из комнаты, засмеяв его’)...» [там же: 49-50]. Ср.: «Говоря в целом об английских аффиксах, можно утверждать, что среди них нет морфем, строго ориентированных на выражение каузальности» [Аматов 2003].

Кроме употребления непереходных русских глаголов в значении переходных проф. М.Эпштейн предлагает для развития мышления русских активно образовывать транзитивные глаголы от возвратных: «Регулярное образование переходных невозвратных глаголов от возвратных непереходных существенно способствует развитию “транзитивного” мышления в русском языке» [Эпштейн 2007].

Отметив, что в процессе своего развития русский язык «впадал в непереходность», проф. М.Эпштейн, продолжает: «Раньше говорили: *воевать врага, править народ, работать сапоги* (сейчас такое словопотребление сохранилось у художников: “работать вещь, картину, скульптуру”). Многие непереходные глаголы образовались посредством возвратного постфикса *-ся* от переходных, которые постепенно вышли из употребления. Раньше в языке были глаголы *бороть, каять, сомневать, отчаивать, трудить* (у А.С. Грибоедова в речи Чацкого: “Чтоб не

трудить себе ума...”); но их вытеснили соответствующие непереходные глаголы с постфиксом *-ся*. И вот уже люди трудятся, но никого и ничего не **трудят**. Общаются, но никого не **общают**. Улыбаются, но не **улыбают**. Каются, но не могут никого **каять**. Гордятся и сомневаются, борются и ленятся, стремятся и отчаиваются – но никого не **гордят** и не **сомневают**, не **борют** и не **ленят**, не **стремят** и не **отчаивают**» [там же].

Сделаем два комментария к последней цитате из статьи проф. М.Эпштейна.

1. Что касается приводимых им старых форм типа *воевать врага, править народ*, то их архаизация в русском языке связана с развитием его падежной системы, со специализацией падежей, дифференциацией значений посредством закрепления их за различными падежными и предложно-падежными формами. Так, на смену делиберативному объекту в винительном беспредложном (*Поют время Бусово*. Слово о полку Игореве; *И хотя бы кто и стал сие спорить...* Письма и бумаги Петра Великого) пришла конструкция с предлогом *о* из-за необходимости разграничивать делиберативный и прямой объекты. В процессе совершенствования и упорядочения русской грамматической системы винительным беспредложным перестали маркироваться: объект управления (см. в памятниках: *Сам же Изяслав князь правляше стол отца своего Ярослава Кыеве...* Срезневский); объект владения (*Во царство же Михаила и Феодоры царицы благочестивыхъ градъ Иеросалимъ и Палестинскую землю и страны финическия и персы изобладаша*. Переписка Курбского с Грозным; объект, в защиту которого (...*гладныя питая, обидимыя заступая*. Аввакум) или против которого (*Поча Олегъ воевати Деревляны*. Лавр. лет.) совершается действие [Ломтев 1956: 257-262].

На примерах из сочинений известного русского мемуариста второй половины XVIII – начала XIX века Андрея Болотова мы продемонстрируем использование и других русских глаголов, еще управлявших в указанный период винительным беспредложным, но впоследствии утративших эту возможность. Среди таких глаголов отмечаются, например, производные лексемы с приставкой, выполняющей функцию современного предлога: *При проезде через село Ивановское <...> наехали мы всех мужиков бражничающих...* (Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков).

Глагол *повредить*, развивший переносное значение ‘принести вред, причинить ущерб’, еще мог употребляться в этом значении, так же как и в прямом ‘испортить, ударить, поранить’, с винительным падежом без предлога: *Нет в ней [книге] ни малейшего, ни явного, ни потаенно-*

го и сахаром для удобнейшего проглатывания облепленного **повредит их** могущего яда (Детская философия). Впоследствии прямое и переносное значение этого глагола разграничиваются разными управляемыми формами: прямое значение выражается в сочетании с винительным беспредложным, переносное – в конструкции с дательным падежом.

Глагол *мстит* все еще был способен управлять винительным беспредложным: *Он, не утерпев и сам мстя свою обиду, либо словами или руками обидчику своему отвечивал* (Жизнь и приключения Андрея Болотова...). В дальнейшем беспредложный винительный при этом глаголе был вытеснен из употребления винительным падежом с предлогом *за*, то есть формой, специализировавшейся на выражении мотива, основания действия.

Винительный падеж без предлога употреблялся в языке указанного периода и при глаголах *угрожать*, *пренебрегать*, *благоприятствовать*: *Единым только благоразумием и мудростию с умеренностию отвратил Леополд то несчастье, которое австрийскую монархию угрожало* (Историческое обозрение 1792 г.); *Сей был хотя сам нездоров, но, любя нас, пренебрег собственную болезнь свою и к нам приехал* (Жизнь и приключения Андрея Болотова...); *...она <...> благоприятствовала моих домашних* (там же). Дательный (при глаголах *угрожать*, *благоприятствовать*) и творительный (при глаголе *пренебрегать*) падежи пришли на смену винительному беспредложному.

Приведем также несколько примеров, иллюстрирующих обратный процесс – приобретение глаголами лексико-грамматического значения переходности. Так, в сочинениях А.Болотова развившие впоследствии это значение глаголы *предупредить* в смысле ‘предотвратить’, *транжирить* используются как непереходные: *Посему и не можно было предупредить сему злу какими-нибудь от простуды лекарствами...* (Жизнь и приключения Андрея Болотова...); *Таким же образом транжирил он им [хлебом], раздавая, без дальней нужды, и разным нашим подкомандующим...* (там же). У А.Болотова все еще можно встретить старую форму дательного падежа при глаголе *благодарить/возблагодарить*: *Великий Зиждителя! Чем и как мне возблагодарить Тебе за толь многия и неизчетныя Твои ко мне благодеяния?* (Чувствования христианина). Транзитивация этого глагола была обусловлена его деэтимологизацией, потерей «внутренней формы»: *дарить благо кому*; ср. в современном болгарском языке старое управление дательным падежом местоимения: *благодаря му* – букв. благодарю ему.

Подчеркнем еще раз, что все эти изменения в глагольном управлении были вызваны процессами упорядочения русской лексико-грам-

матической системы, пополнением семантических групп глаголов, развитием глагольной полисемии, ограничением функций отдельных падежей, закреплением определенных значений за различными морфологическими формами, устранением дублетных образований.

2. Из приведенного проф. М.Эпштейном ряда слов (*бороть*, *каять*, *сомневать*, *отчаивать*, *трудить*) глагол *бороть* не признается современными словарями устаревшим (см., например, [СРЯ 1999], а также пример из этого словаря: В воздухе смешивались и *бороли* друг дружку густые, острые, пряные запахи. Нагибин, Дебрецен – Будапешт). Глагол *сомневать* используется в памятниках как непереходный. Переходные *каять*, *отчаивать*, *трудить* отмечает словарь В.Даля: *каять* «порицать или осуждать, корить и увещевать; заставлять каяться»; *отчаивать* «довести до отчаянья, безнадежить, лишать последней веры и надежды»; *трудить* «утруждать, налагать труд, работу, заставлять что делать; беспокоить, тревожить, докучать» [Даль 1978].

Судя по данным этого словаря, в середине XIX столетия в русском языке употреблялось еще множество переходных глаголов, соотносительных с непереходными возвратными: *запечалить* «огорчить сильно, или надолго, опечалить донельзя»; *запинать*, *запнуть* «останавливать, задержать; бросать что в ноги кому для спотычки; подставлять кому ногу»; *зарекать*, *заречь* «что кому, приказывать, заказывать, запрещать строго, налагать зарок»; *изленивать*, *изленить* «избаловать праздностью, приучить к лени, тунеядству»; *карачить*, *корачить* «что, кого, пятить, осаживать задом; осадить или опрокинуть взад»; *кичить* «кого, внушать кому чрезмеру высокое понятие о достоинствах его, надмевать, подавать кому повод гордиться, зазнаваться»; *кобенить* «руки, ноги, заламывать, ломать, корчить, неуклюже изворачивать <...> -ся, выгибаться, кривляться, ломаться, корчиться; чиниться, заставлять себя просить; важничать, чваниться; упрямиться»; *кручинить* «огорчать, томить, печалить: или беспокоить, тревожить, заботить»; *кустить* «растение, заставить его куститься, дать разрастись кустом, пуская из одного зерна много стеблей, либо из одного стебля много веток»; *наголодать* «кого, выморить голодом»; *нравить* «кого, полюбить, найти себе по нраву, по вкусу, облюбовать»; *опасать* «кого, предостерегать, внушать спасенье, осторожность»; *попоявлять* «проявлять, изъяслять, оказывать, по(вы)казывать. Луна пооявляет нам одно только полушарие свое»; *расщедривать*, *расщедрить* «заставить или побудить быть пощеднее, сделать тороватым, тчивым»; *ребячить* «кого, обходиться как с ребенком, ставить его за дитя»; *резвить* «ребенка, собаку, довести до неистойой, бешеной веселости, после которой трудно успокоиться»; *сжалить* «раз-

жалобить, заставить кого-либо сжалиться, сжалобиться над кем»; *соглашать, согласить* «кого на что, убедить, уговорить, склонить, упросить, условиться, обязать условием»; *съякшать* «кого с кем, свести, познакомиться, подружить»; *чванить* «кого, надмевать, делать надменным, спесивым, гордым»; *ярить* «разъярять, горячить, кипятить, сердить, дразнить, злить, зlobить, озлоблять, приводить в ярость» и др.

Выходит, что во времена Даля русский народ еще имел «развитое транзитивное мышление» и не находился «в плену субстанциализма и атрибутивизма», а потом вдруг стал «впадать» в «языческий, мифический, мистический, отчасти даже сновидческий мир, в котором лица и вещи наделены самочинными свойствами и способностями, *не переходящими в дело*» [цитаты из: Эпштейн 2007]. Однако вместо того чтобы последовать собственной логике и признать, что русский крепостной крестьянин обладал куда более транзитивным мышлением, а следовательно, более прогрессивным мировоззрением, чем современный россиянин, проф. М.Эпштейн избегает лингвокультурологических комментариев по этому вопросу. Вероятно, найти культурно-исторические, политические и идеологические факторы, которые можно было бы объявить причиной резкой ментальной деградации русских, оказалось непосильной задачей даже для профессора философии.

Следует, видимо, признать, что транзитивное мышление, о котором пишет проф. М.Эпштейн, не зависит от использующейся в языке техники транзитивации глаголов и не является следствием количественного преобладания переходных глаголов над непереходными. Это означает, что проект проф. М.Эпштейна не только наивен в плане оказания направленного воздействия на говорящих, но и не имеет какого бы то ни было мотивационного оправдания.

Для того чтобы более подробно разобраться в вопросе, чем объясняется различный удельный вес переходных и непереходных глаголов в индоевропейских языках, необходимо совершить краткий экскурс в историю их языка-основы [Lehmann 1995; Климов 1977]. В праязыке, распавшемся за несколько тысяч лет до нашей эры, глаголы подразделялись не на переходные и непереходные, а на глаголы действия и состояния, причем первые употреблялись с субъектами в активном падеже (маркировавшем агентивность и волитивность), а вторые – с субъектами в пациентивном падеже (маркировавшем стативность и неволитивность). Пациентивный падеж употреблялся и для маркировки объектов действия. Реликтами стативных глаголов индоевропейского праязыка с его, очевидно, активным строем является имперсонал: *Мне кажется, Меня тошнит*. В процессе номинативизации, обусловленной, среди прочего,

анализацией при активных контактах с другими языками, обширная падежная система распалась, из-за чего сама возможность маркировать морфологически субъекты и объекты в значительной мере утратилась. Языки, продвинувшиеся далее других по пути анализизации, в большей мере утратили типичные характеристики своего предка: безличные конструкции, альтернативные маркировки субъектов и объектов (когда субъект стоит не в номинативе, а объект – не в аккумулятиве), семантическое наполнение падежей (падежи «технизировались»: в частности, английский «номинатив», т.е. общий падеж, более не выражает агентивности и волиитивности).

Хотя английский является одним из наиболее анализизированных индоевропейских языков, в еще большей мере отошли от синтеза африкаанс и различные креольские языки. Именно в них проф. М.Эпштейн может найти тот идеал «агентивности» и «транзитивации», которых ему так недостает в русском. Примечательно, что из-за неразграниченности переходных и непереходных глаголов в индоевропейском праязыке, как и в прочих языках активного строя, присутствовали лабильные глаголы, употреблявшиеся в переходном или непереходном значении в зависимости от контекста (подчеркнем, что они при этом оставались глаголами действия, т.е. сама категория переходности в активных языках отсутствует, но значения лабильных глаголов были сопоставимы со значениями переходных и непереходных глаголов современных номинативизированных языков). Соответственно, в активных языках один и тот же глагол обозначал 'умирать/ убивать', 'гореть/ жечь', 'падать/ ронять'. Вопреки столь развитому «транзитивному обществу», по выражению проф. М.Эпштейна, именно носителям языков данного типа (индейцам, папуасам) представители западной цивилизации неизменно приписывали и приписывают пассивное отношение к жизни, иррационализм, фатализм и т.д. Не удалось нам найти сведений и об особом «активизме» (активном отношении к жизни) и рационализме носителей африкаанса из ЮАР, не говоря уже о носителях различных креольских языков.

Пользуясь логикой проф. М.Эпштейна и прочих этнолингвистов, можно было бы при желании прийти к весьма нелестным выводам и относительно английского языка, делая акцент на выражении в нем пассивного отношения к жизни, нежелания брать на себя ответственность и фатализма. Тезисы обличителей английского могли бы выглядеть следующим образом:

– «Именно в английском, в отличие от русского, чрезвычайно развит пассив [Комиссаров 2000: 131], причем по данному параметру он опередил практически все индоевропейские языки. Поскольку известно,

что пассив является излюбленным средством не упоминать деятеля и перекладывать ответственность с себя на неопределенное лицо (ср. *Я разбил вазу – Ваза была разбита*), использование данного языкового средства свидетельствует о несклонности англичан и американцев активно строить свою жизнь и нести ответственность за свои поступки. Интенсивное использование страдательного залога способствует также развитию пассивного мировоззрения, носители которого склонны верить, что вещи либо случаются сами по себе, либо происходят по вине неких неизвестных и/ или неназываемых из страха каузаторов (пережитки иррационального мировоззрения)». Дабы не уподобляться постсоветским этнолингвистам, заметим, что истинной причиной развития пассива является необходимость чем-то компенсировать распад имперсонала.

– «В русском языке именительный падеж значительно чаще, чем в английском, обозначает активного деятеля, желающего производимого им действия [Комиссаров 2000: 171]. В английском, напротив, номинатив значительно чаще может обозначать объект действия, экспериенцера и даже место действия. Такое пренебрежение к различиям между субъектом и объектом демонстрирует, что на мировоззренческом уровне носители английского еще не в состоянии, вследствие пережитков примитивного первобытного мышления, мыслить себя в качестве активной, деятельной сущности, ибо сам их язык не разграничивает деятеля и то, над чем он работает, на что он воздействует». Заметим, что на самом деле субъект и объект действия обычно идентифицируются в английском по порядку слов: субъект занимает место перед объектом.

– «Как известно, английский язык способствует своим пагубным влиянием развитию пассива в других языках мира (в частности, в японском). Тем самым и другие народы переходят от активного мировоззрения к пассивно-фаталистическому».

– «В то время как русские безличные конструкции никакого отношения к фатализму не имеют (потому, например, согласно опросам 1990-2000-х годов все меньше россиян верят в судьбу [«Жизнь под знаком Зодиака: В кого и во что верят россияне?» 2009], хотя, по данным лингвистов, активность употребления имперсонала в этот период растет [Арутюнова 1999: 794; Градинарова 2007]), связь между фатализмом и пассивом однозначна: невозможно представить иного объяснения тому факту, что англичане, столь склонные употреблять пассив, по данным опросов 1990-2000-х годов, верят в судьбу в значительно большей мере, чем русские [Зарецкий 2008: 250]». Заметим, что хотя данные опросов верны, с тем же успехом можно было бы проводить параллели между частотностью пассива и урожаями огурцов в Йоркшире.

– «Если в русском языке присутствует формант *-ся*, отделяющий непереходные глаголы от переходных, английский в силу цивилизационной стагнации его носителей таких разграничений не проводит, из-за чего на чисто грамматическом уровне активное действие приравнивается к пассивному состоянию, что не может не способствовать развитию пассивного мировоззрения». От себя добавим, что для аналитических языков вообще характерно очень экономное использование морфем, в результате чего и префиксация, и постфиксация встречаются в них значительно реже, чем в синтетических [Гринберг 1963; Зеленецкий 2004: 194]. Отсюда и «нежелание» разграничивать переходные и непереходные значения английских глаголов формально.

– «Как известно, протестантское мировоззрение подразумевает изначальное деление людей на спасенных и обреченных на вечные муки, причем никакими добрыми делами изменить это предвечное решение бога невозможно. Бог сам ведет обреченных по пути греха, ибо Христос умер не за всех, а за тех, кто был со времен Адама записан в Книге жизни. Непостижимое и необратимое разделение людей на спасенных и обреченных широко отражено в художественной литературе Западной Европы¹. Стоит ли удивляться, что именно в английском именительный падеж раньше, чем в других индоевропейских языках, начал передавать и значение творительного падежа, подчеркивающего воздействие на человека неизвестных и/или потусторонних сил: ср. рус. *Мою шляпу сдуло ветром и мне пришлось бежать и догонять ее* – англ. *My hat blew off and I had to run and chase it*. Если в русском неизвестный субъект, управляющий ветром, сокрыт за творительным падежом, то в английском – за именительным. Соответственно, за каждым именительным падежом английского языка, за каждым номинативным субъектом теоретически можно подразумевать воздействие на данный субъект незримых сил». Хотя этнолингвисты действительно усматривают за русскими конструкциями с производителями действия в творительном падеже (*ветром*) действие неких таинственных сил, на самом деле данные конструкции являются наследием индоевропейского праязыка и представляют собой реликты тех времен, когда субъектами действия при активных глаголах могли выступать только одушевленные сущности². Ветер таковой не является, потому с подобными субъектами использовался дополнительный маркер агентивности – творительный падеж. Поскольку в анализированных языках типа английского номинатив падежом активного и одушевленного деятеля более не выступает, он может быть выразителем любых семантических макроролей (в данном случае *hat* является объектом действия).

– «Как свидетельствуют русские классики, носители аналитических языков, для которых, как известно, свойственно широкое употребление переходных глаголов, не обладают здравым смыслом. В частности Д.И.Фонвизин отметил в письме П.И.Панину в 1778 году: “Рассудка француз не имеет и иметь его почел бы несчастьем своей жизни, ибо оный заставил бы его размышлять, когда он может веселиться”. Отсутствие агентивности на грамматическом уровне порождает у представителей западной цивилизации столь типичную для них лень, нежелание заниматься честным трудом. В частности, И.Т.Кокорев писал в 1858 году в своих “Очерках о Москве”, отражая точку зрения простого народа на трудовую мораль приезжих из Западной Европы: “При речи о райках, очень естественно, рождается вопрос, почему же мелкая промышленность не возьмется за разные фиглярства, не вступит в компанию с штукாரями, не выдумает каких-нибудь представлений? Ответ будет решительный и ясный. “Это дело тальянцев и немцев: они облизьяну выдумали, блох обучили плясать, лошадь часы узнавать, собак муштруют, свинок морских, словно невидаль какую, показывают, шарманкой да волынкой кормятся”; а русский человек, как ни беспечен, совестится быть дармоедом, приобретать хлеб подобными средствами, считает недостойным себя пуститься в комедиянство”. Пассивным и ленивым представителям западной цивилизации можно противопоставить агентивных русских: “А жажда деятельности доходит у нас до какого-то лихорадочного, неудержимого нетерпения: все хотят серьезного занятия, многие с жарким желанием сделать добро, принести пользу и начинают уже мало-помалу понимать, что счастье не в том, чтоб иметь социальную возможность сидеть сложа руки и разве для разнообразия побогатырствовать, коль выпадает случай, а в вечной неутомимой деятельности и в развитии на практике всех наших наклонностей и способностей” (Ф.М.Достоевский, Петербургская летопись). Следовательно, упомянутая выше стагнация цивилизационного развития носителей аналитических языков Западной Европы, выразившаяся в характерных особенностях их языков, преимущественно аналитических, нашла свое отражение и на мировоззренческом уровне, что было гениально подмечено русскими классиками». На самом деле, русские классики, как и любые другие, противоречат друг другу (а зачастую и самим себе) по любому более или менее важному вопросу, что не мешает этнолингвистам выборочно цитировать подходящих им авторов, нередко вырывая слова из контекста.

Таким образом, авторы, пожелавшие бы развернуть аргументацию этнолингвистов против английского языка, обычно противопоставляемого русскому в качестве образца агентивности и антифатализма, нашли

бы достаточно грамматических «свидетельств» тех же особенностей менталитета, которые вот уже 20 лет приписывают русским: пассивности, иррационального мировосприятия т.п. Данные аргументы были бы не менее научными, чем те, которыми пользуются постсоветские этнолингвисты. К сожалению, этнолингвистические работы, в которых, помимо грубых и совершенно неуместных сравнений современного английского с современным русским, учитывались бы исторические факторы и языковая типология, нам неизвестны. Тот факт, что русский язык подвергся значительному влиянию финно-угорского субстрата, заморозившего систему падежей и развившего имперсонал, интересует специалистов по российскому менталитету так же мало, как и то, что в любом креольском языке приписываемые англичанам и американцам грамматические добродетели выражены в еще большей мере.

Вкратце затронем вопрос происхождения тех доводов, которыми пользуются современные этнолингвисты, критикующие русскую ментальность в ее грамматическом отражении. По сути, для данной цели были утилизированы те же аргументы, которые с конца XIX в. применялись для идеологического обоснования неполноценности истребляемых народов Азии и Северной Америки. В склонности носителей эргативных и активных языков использовать вместо немаркированного именительного падежа маркированный активный/ эргативный, сопоставимый в чем-то с творительным, западноевропейские лингвисты усматривали веру в воздействие неких скрытых сил, мыслимых якобы в номинативном падеже. Тот факт, что деноминативные языки имеют иную грамматическую организацию, не требующую номинатива, был установлен – в значительной мере благодаря усилиям советских ученых – в первой половине XX века для эргативных языков и уже в 1970-х годах – для активных (подробный обзор см. в [Климов 1981]).

Особое внимание следует обратить на аргументацию западноевропейских этнолингвистов первой половины XX века относительно переходных и возвратных глаголов. Довольно часто в этнолингвистической литературе можно было встретить тезис, что расширение домена употребления аккузатива за счет датива каким-то образом должно быть связано с реализмом и активизмом носителей языка, т.е. верой в возможность самому определить свою судьбу. В частности, А.Лангмайр суммировал взгляды таких лингвистов (М.Дойчбайна, Ф.Кайнца) следующим образом: «Уважением к истинному положению вещей, отходу субъективных реакций на задний план объясняется исчезновение датива... С другой стороны, предпочтение отдается дативу. <...> Также и активное использование прямого объекта, аккузатива, доказывает веру англича-

нина в каузацию» [Langmaug 1997: 326]. Небольшое количество возвратных глаголов в английском языке немецкий исследователь Ф.Кайнц связывал с реализмом и прагматизмом англосаксов [Kainz 1965: V, 318]. М.Дойчбайн напрямую объяснял многочисленность переходных глаголов в английском британским активизмом [Deutschbein et al. 1928: 63-64].

Примечательно, что распространение аккумулятива в немецком языке послевоенного периода отнюдь не было воспринято в качестве доказательства растущей веры немцев в каузацию или выражения более реалистичного отношения к жизни. На волне самокритичных настроений немецкие лингвисты усматривали в популяризации многочисленных глаголов с прямыми объектами воздействие опасных культурем, обезличивающих человека на языковом уровне и инструментализирующих его для личных целей, превращающих в объект действия, сопоставимый с неодушевленными объектами. Среди этнолингвистов распространилось понятие «бесчеловечного винительного падежа» («inhumaner Akkusativ») [Von Polenz 1978: 150], причем некоторые усматривали в нем одно из воздействий английского суперстрата путем калькирования (*konfrontieren* ‘gegenberstellen’ > *jmd. konfrontieren* ‘gegenbertreten’, *gegen jmd. boxen* > *jmd. boxen, etw. fliegen/ fahren* > *jmd. fliegen/ fahren, eine Sache erinnern*). Л.Вайсгербер объявил распространение аккумулятива (заметим, в значительной мере за счет датива, как в глаголах *beglückwünschen, bezuschussen, ermutigen, beliefern, bedrohen, bedienen, beraten*) признаком обезличивания немецкой грамматики. Современные лингвисты объясняют это явление другими факторам, в первую очередь языковой экономией, отрицая какую-либо связь с социальными процессами [Von Polenz 1999: III, 319; Schmidt 2000: 181; Braun 1998: 115].

Данный пример наглядно демонстрирует, сколь сильно интерпретации новых языковых веяний зависят от социополитической обстановки в стране. Волна самокритики в постсоветской России также подготовила почву для развития и популяризации сомнительных и отчасти абсолютно дилетантских теорий, особенно если они исходят из стран, служащих в некотором роде образцом для новой элиты. Хотя научная ценность этнолингвистических работ от политической конъюнктуры не зависит, их научный вес всегда колебался и, вероятно, и впредь будет колебаться в зависимости от популярности определенных идей, пропагандируемых властью имущими.

Возвращаясь к проектам проф. М.Эпштейна, нельзя не отметить его заслуг в отслеживании и фиксации некоторых «грамматических расширений» в системе современной русской речи. Случаи транзитивации

глаголов по новым моделям представляют собой одну из таких инноваций. Как следует из названия нашей статьи, мы попробуем ответить на вопрос, являются ли подобные употребления проявлением языковой тенденции или речь должна идти о нарушении нормы с целью языковой игры, шутки и т.п.

Итак, в разговорной речи наших дней, в электронных текстах Интернета – блогах, форумах различного содержания и назначению сайтов, – а также в публицистических и художественных произведениях современных авторов отмечаются случаи использования переходных глаголов, нарушающих кодифицированную норму. Две модели их образования верно представлены проф. М.Эпштейном: а) расширение значения имеющегося в языке непереходного глагола; б) производство переходного глагола путем отсечения возвратного аффикса от основы непереходного³. В следующих примерах графика, орфография и пунктуация приведены в соответствие с литературной нормой:

а) *Вчера, напившись пива, пошел гулять собаку в 2 часа ночи* (kirill076.livejournal.com); *Слишком много перемен, да еще и резко! Погуляй его за ручку, моему помогает* (форум сайта elle.ru); *...а БАДы не худеют человека, не для этого они, вообще-то, предназначены* (forum.plasticsur.ru); *Вот и попробуй за 2 часа работы вселить в человека оптимизм, «базовое чувство доверия к миру», мотивацию повысь и похудей ее за ее деньги* (doctorbormental.ru); *Ну чего, скажите, хорошего в этой жвачке? <...> Ну хоть бы он сделал что-нибудь, хоть бы надул пузырь и лопнул его* (И.Абузьяров, Три истории с жертвой); *Полпред Казанцев ушел по-английски — не попрощавшись. Вернее, его ушли* (Новая газета); *Да и не последним был в юридическом сообществе Сергей Пашин <...>. Но был неугоден — и его «ушли»* (журн. Российская Федерация сегодня);

б) *Первый раз я заблудился на пасеке <...>. Во второй раз меня заблудил приятель* (inagda.livejournal.com); *Ошибочка вышла – нечеткий транслит меня «заблудил»* (форум сайта infrance.ru); *17 апреля Венера прекратит сомневать нас, и мы будем готовы взять на себя ответственность за новую жизнь* (astrossystem.ru); *Вот что-то меня сомневает рентабельность этого предприятия* (форум сайта pchelovod.info); *А меня не улыбает Ваше невежество, вернее флуд* (forum.searchengines.ru); *О, Редактор: «...Бельцы – не только северная столица нашей республики, но еще и культурная...» – ну, ты меня рассмеял* (forum.md); *...официальное пятилетие будет, но так как жара леним, а за неделю можно все устроить, пригласим кого надо в последний момент* (форум сайта 37-77.ru); *Вкусенько, и что меня «гордит» – это то, что сам придумал*

(uch.net); *Вов, а тут все меня **кают** за то, что я тебя обижаю типа, и все такое* (форум сайта jesuschrist.ru); *Наконец-то я сформировался и знаю, к чему стремиться... и судьба, как-то сама меня «**стремит**», и я не сопротивляюсь, а только помогаю...* (forum.skynet.zp.ua); *Чем можно **очнуть** человека? <...> **Очнуть** не знаю, а вот точнуть можно надеждою или болгаркой* (otvet@mail.ru); *И еще один минус меня **споткнул**: на фоне вечернего моря пробовал сфоткать, так вот: когда яркое солнце попадало на меня, автофокус супер, как только зашло солнце, и лучи на меня не попадали, фокусировка что в авто и ручном режиме была никакая...* (форум сайта its.ua); *...Постараться поменьше «**общать**»⁴ детей во время болезни, есть продукты, богатые витамином С...* (форум сайта detochka.ru); *Сын ходит на курсы в кадетское училище, но очень уж меня **опасает** квалификация их офицеров-воспитателей* (osudim.org); *В людях меня **отчаивает** не глупость, не грубость даже, разнообразность глупости. **Отчаивает** буржуазность мышления – неперемный поиск личной выгоды* (Э.Скобелев, Катастрофа).

Отметим также, что определенный процент имеющихся в Сети примеров связан со словотворчеством самого проф. М.Эпштейна.

Как видно из приведенных выше иллюстраций, часть нарушающих современную норму транзитивных глаголов представляют лексемы, уже имевшие распространение в русском языке, но впоследствии устаревшие (*каять, стремить, отчаивать* и др.). В наши дни они, очевидно, не извлекаются из пассивного словарного запаса, а создаются вновь. Отдельные глаголы (*уйти* кого, *гулять* кого, *худеть* кого, *отчаивать* кого, *сомневать* кого и нек. др.), судя по количеству фиксаций в Сети, используются чаще аналогичных им глагольных инноваций.

Примеры, подобные рассмотренным, в числе многих других современных языковых новообразований не первый год активно изучаются лингвистами. Внешним фактором, приводящим к либерализации русской речи, расшатыванию норм и большому количеству всякого рода языковых девиаций, исследователи считают культуру современного постмодернизма. Отмечая ее вторичный по отношению к западному характер, Е.А.Покровская пишет: «Это эпигонство вошло в резонанс с нашим отечественным стремлением освободиться от жесткой регламентированности тоталитарной эпохи – и началась вакханалия растаптывания всех и всяческих табу. Эта практика была возведена в квадрат рыночными отношениями, необходимостью привлечь внимание, поразить. И это часто становится самоцелью и для художника, и для “художника слова”, и для журналиста, играющего огромную роль в формировании языковой моды благодаря СМИ» [Покровская 2001].

Можно предположить, что диверсификация идиолектов, распространение оригинальных и запоминающихся окказионализмов, в том числе переходных глаголов, является одним из следствий индивидуализации, наблюдающейся в постсоветском обществе, а также во всех без исключения обществах Западной Европы. Те же процессы и явления обратили на себя внимание лингвистов, занимающихся исследованием европейских языков: западноевропейских уже начиная примерно с 1945 года, восточноевропейских – после 1991 года. К вызванным индивидуализацией или подкрепленным ею языковым реалиям можно отнести избегание клише, различных устойчивых выражений, пословиц, метафор, столь характерных для коллективистских культур, поскольку именно эти языковые средства подчеркивают общность говорящего и его слушателей, их коллективные знания и общий культурный фон со всеми его идеологемами, мифологемами, позитивными и негативными коннотациями, связываемыми с определенными словами и выражениями. Для индивидуалиста, напротив, общность со слушателями не играет никакой роли, поскольку его цель заключается в самовыражении, т.е. обособлении, отграничении себя от окружающих на языковом уровне. Достичь этого можно с помощью таких языковых средств, как индивидуализмы (стилистически яркие и оригинальные слова, изобретенные говорящим), редкие слова, оригинальные метафоры и афоризмы собственного авторства, иноязычная лексика, особенно варваризмы (если они могут произвести впечатление), различные нарушения языковой нормы, т.е. любые средства, придающие идиолекту неповторимость и оригинальность. Отграничение идет не только на уровне идиолектов: в индивидуалистических обществах западного типа обычно ярко выражены различные сленги (особенно молодежный), жаргоны, социолекты и субстандарты, употребляемые в различных общественных организациях, сектах, субкультурах.

В частности, сопоставимы языковые процессы в Германии второй половины XX-го века и в России 1990-2000-х годов. Так, постоянным поиском новых, оригинальных, свежих языковых средств Б.Карстенсен объясняет лавинообразный поток англицизмов в послевоенных немецких СМИ [Carstensen, Galinsky 1975: 30]. Выше уже были приведены примеры поначалу аграмматичных, необычных и запоминающихся кблек с английского, превративших немецкие непереходные глаголы в переходные. Стремление к оригинальности коснулось и имен, среди которых, начиная с 1960-х гг., все чаще встречаются иностранные [Von Polenz 1999: III, 381]. В средствах массовой информации ФРГ можно было с 1950-х гг. наблюдать рост разнообразия стилей, «демократизацию

языка» (т.е. сближение стиля письма и речи, отказ от высоких стандартов, склонность к просторечным и вульгарным выражениям, активное использование пейоративной лексики) [StraЯner 1980]. Соответственно, неологизмам и окказионализмам был облегчен доступ к широким слоям населения, поскольку отсутствовала сколько-нибудь ярко выраженная лингвистическая цензура. Все это характерно и для России после 1991 года: диверсификация идиолектов [Стернин 2000], рост числа индивидуализмов в повседневном общении и языке СМИ (*пикниковаться, кинобосс, китекиада, футболеутоляющее*) [Земская 2000; Богданович 2000; Рацибургская 2004], реабилитация и популяризация субстандарта, возникновение социолектов, провокативные нарушения языковой нормы (как и рост терпимости к ним).

Соответственно, рост числа оригинальных и провокативных переходных глаголов (*Меня улыбнуло*) вписывается в логику типичных коммуникативных стратегий общества, переходящего от коллективизма к индивидуализму, но не в меньшей мере такое общество одобряет и оригинальные, провокативные, «креативные» непереходные глаголы (*Я озвучился*).

Интерес проф. М.Эпштейна к современным языковым инновациям, конечно, неслучаен и связан с его профессиональными исследованиями в области философии, культурологии и литературоведения.

Постструктурализм, явившийся питательной средой для современной философии постмодернизма, при классификации философских направлений относят сегодня «к общему течению “критики языка” (la critique du langage), в котором соединяются традиции, ведущие свою родословную от Г.Фреге (Л.Витгенштейн, Р.Карнап, Дж.Остин, У.В.О.Куайн), с одной стороны, и от Ф.Ницше и М.Хайдеггера (М.Фуко, Ж.Деррида) – с другой. Если классическая философия в основном занималась проблемой познания, т.е. отношениями между мышлением и вещественным миром, то практически вся западная новейшая философия переживает своеобразный “поворот к языку” (a linguistic turn), поставив в центр внимания проблему языка, и поэтому вопросы познания и смысла приобретают у них чисто языковой характер» [Ильин 1998, с. 14]. По замечанию С.М.Антоновой, результаты критики языка «распределяются в диапазоне от всеобъясняющей роли языка до признания его весьма субъективным и ненадежным диагностом действительности мира и мысли о нем» [Антонова 2003: 28].

Деструкция слова привлекает проф. М.Эпштейна как один из механизмов деконструкции текста – значимой категории в эстетической системе постмодерна.

Языковые эксперименты в сфере переходности и залога, обладая большим выразительным потенциалом, плодотворно использовались уже представителями европейского авангарда конца XIX – начала XX века. Так, например, Н.В.Пестова говорит о транзитивации непереходных глаголов как наиболее частом стилистическом приеме у Э.В.Лотца [Пестова www]. Позволим себе привести еще одну цитату из доклада, посвященного языку современной российской поэзии: «Залог и переходность располагают к лингво-поэтическому эксперименту, так как в сфере их действия грамматика и логика часто противоречат друг другу, имеется немало лексических ограничений на системное функционирование языковых единиц... <...> Процессы, происходящие в поэзии с грамматикой залога и переходности, вполне адекватно отражают постмодернистское мироощущение авторов: отказ воспринимать действительность в системе бинарных оппозиций, переживание кризиса субъектности, установку на игру с мерцающими знаками и деконструкцию, в которую вовлекаются не только знаки, но и их денотаты. Все эти поэтические вольности становятся индикаторами общезыковых изменений (в частности, ослабления семантически не мотивированных правил), соответствуют тенденции к ускоренной передаче информации, а также соотносятся со сменой философских парадигм на границе XX и XXI веков, которая, по концепции Михаила Эпштейна, состоит в смене модальностей от сущего и должного к возможному» [Зубова 2006].

Таким образом, современное словотворчество (независимо от характера текста – поэзия, проза, спонтанная речь электронного форума и т.д. – и частных установок говорящего/ пишущего) представляет собой, в первую очередь, средство создания дополнительных семантических коннотаций и разных видов экспрессии, способ извлечения эстетических эффектов из пренебрежения к языковой норме. Трудно сказать, закрепятся ли в языке рассмотренные выше новообразования, не выходящие пока за рамки раскованной игры со словом. Во всяком случае, транзитивное *ушли* (*его/ ее/... ушли*), несмотря на свой солидный возраст и всенародную известность, все еще остается тем, чем было в момент своего появления, – нарушающей норму единицей (см. ее частое использование в кавычках), несущей коннотативные смыслы и не переходящей границ определенных речевых регистров.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Напр.: «Те, кто находился по правую руку от Христа и тем самым спасал свою душу, не отличались никакими видимыми достоинствами и

признаками святости от тех, кто находился по левую руку от него и, оказавшись проклятыми, низвергались в ад. Спасение, таким образом, являлось всего лишь капризом церемонеймейстера, составляющего план размещения гостей на этот последний день» (Ирвин Шоу, Две недели в другом городе).

2. О таком употреблении говорит, среди прочих, В.В.Иванов на примере древнейшего задокументированного индоевропейского языка – хеттского: с глаголами *mi*-спряжения (обозначающими преимущественно действия) употреблялись в качестве субъектов существительные общего (бывшего одушевлённого) рода; формант *-nt-* прибавляли к существительным среднего рода, чтобы причислить их к общему роду и употребить при переходных глаголах *mi*-спряжения, т.е. бывших глаголах действия/ активных глаголах [Иванов 1965: 52-54]. Его примеры: *GIG-ant-s* ‘болезнь’, *kururant-s* ‘война’, *kalulupant-s* ‘палец’, *KUR-eant-š* ‘страна’, *nepišant-s* ‘небо’. Субъекты среднего (неодушевлённого) рода употреблять в качестве субъектов переходных глаголов избегали.

3. В современном языке достаточно активен и обратный процесс – производство глагольных неологизмов с форматном *-ся*, в частности так называемых глаголов включенного объекта. См. об этом в [Норман 2004].

4. Что касается достаточно распространенного в Сети глагола *общать*, то гораздо чаще он ведет себя не по предписаниям проф. М.Эпштейна, то есть отсутствие аффикса *-ся* не приводит к транзитивации: *Девчонки, мне 18! Кто хочет **общать** со мной, пишите...* (melafon.borda.ru); *Люблю **общать** с друзьями в нете и живьем, люблю читать, музыку люблю, ездить на природу* (moikrug.ru).

ЛИТЕРАТУРА

Аматов 2003 – *Аматов А.М.* Морфологические каузативы в английском языке // Ярославский педагогический вестник. 2003. № 1 (34) – http://www.yspu.yar.ru/vestnik/novye_Issledovaniy/19_10/

Антонова 2003 – *Антонова С.М.* Глаголы говорения – динамическая модель языковой картины мира: опыт когнитивной интерпретации. Гродно: ГрГУ, 2003.

Аполлова 1977 – *Аполлова М.А.* Грамматические трудности перевода. М.: Международные отношения, 1977.

Арутюнова 1999 – *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.

Богданович 2000 – *Богданович Г.* Сниженная лексика как объект

лингвокультурологического осмысления // Культура народов Причерноморья. 2000, т. 35 – <http://www.ccssu.crimea.ua/tnu/magazine/culture/culture35/part1/zip/bogdanovich.zip>

Виноградов 1972 – *Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972.

Градинарова 2006 – *Градинарова А.А.* О расширении сферы синтаксической безличности в современном русском языке // Конференция МАПРЯЛ «Инновации в исследованиях русского языка, литературы и культуры» (Болгария, Пловдив, 31 октября – 3 ноября 2006 г.): сборник докладов. Пловдив, 2007.

Гринберг 1963 – *Гринберг Дж.* Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике, 1963, № 3.

Даль 1978 – *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка, тт. 1-4. М., 1978 (репринт второго издания, СПб., 1880-1882).

Жизнь под знаком Зодиака: В кого и во что верят россияне? 2009 – Жизнь под знаком Зодиака: В кого и во что верят россияне? // Пресс-выпуск ВЦИОМ, № 1134, 15.01.2009 – <http://wciom.ru/novosti/press-vypuski/press-vypusk/single/11217.html>

Зарецкий 2008 – *Зарецкий Е.В.* Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты (в сравнении с английским и другими индоевропейскими языками). Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2008.

Зеленецкий 2004 – *Зеленецкий А.Л.* Сравнительная типология основных европейских языков. М.: Academia, 2004.

Земская 2000 – *Земская Е.* Активные процессы современного словопроизводства // Е.Земская (ред.). Русский язык конца XX столетия (1985-1995). 2 изд. М., 2000.

Зубова 2006 – *Зубова Л.* Грамматические вольности современной поэзии (заявление, переходность) // Language culture, language debates and the response of literature. Bergen, 28 September – 1 October 2006.

Иванов 1965 – *Иванов В.В.* Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы (сравнительно-типологические очерки). М.: Наука, 1965.

Ильин 1998 – *Ильин И.П.* Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998.

Климов 1977 – *Климов Г.А.* Типология языков активного строя. М.: Наука, 1977.

Климов 1981 – *Климов Г.А.* Типологические исследования в СССР (20-40-е годы). М.: Наука, 1981.

Комиссаров 2000 – *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение

ние. М.: ЭТС, 2000.

Ломтев 1956 – *Ломтев Т.П.* Очерки по историческому синтаксису русского языка. М.: Издательство Московского университета, 1956.

Норман 2004 – *Норман Б.Ю.* Возвратные глаголы-неологизмы в русском языке и синтаксические предпосылки их образования // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М.: Знак, 2004.

Пестова www – *Пестова Н.В.* Эрнст Вильгельм Лотц // Исследования о немецком авангарде – http://avantgarde.narod.ru/beitraege/ed/np_lotz.htm

Покровская 2001 – *Покровская Е.А.* Этапы развития русского синтаксиса в лингвокультурологическом аспекте // Ростовская электронная газета, 2001, № 8 – www.relga.rsu.ru/n62/rus62.htm

Рацибурская 2004 – *Рацибурская Л.* Специфика словотворчества в современных СМИ // К.Галиуллин (ред.). Русская сопоставительная филология: состояние и перспективы. Казань: Каз. гос. ун-т, 2004.

СРЯ 1999 – Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Институт лингвистических исследований. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.

Стернин 2000 – *Стернин И.* Социальные факторы и развитие современного русского языка // В.Кашкин и др. (ред.). Теоретическая и прикладная лингвистика. Т. 2. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000.

Эпштейн 2005 – *Эпштейн М.* Грамматика переходности (2), 23 октября 2005 г. – <http://www.emory.edu/INTELNET/dar133.html>

Эпштейн 2007 – *Эпштейн М.* О творческом потенциале русского языка. Грамматика переходности и транзитивное общество // Знамя, 2007, № 3.

Braun 1998 – *Braun P.* Tendenzen in der deutschen Gegenwartssprache: Sprachvarietäten, 4 изд. Stuttgart: Kohlhammer, 1998.

Carstensen, Galinsky 1975 – *Carstensen B., Galinsky H.* Amerikanismen der deutschen Gegenwartssprache, 3 изд. Heidelberg: Winter, 1975.

Deutschbein 1928 – *Deutschbein M. et al.* Handbuch der Englandkunde. Frankfurt am Main: Diesterweg, 1928.

Kainz 1965 – *Kainz F.* Psychologie der Sprache. Stuttgart: Enke, 1965.

Langenmayr 1997 – *Langenmayr A.* Sprachpsychologie. Göttingen: Hogrefe-Verlag, 1997.

Lehmann 1995 – *Lehmann W.* Residues of Pre-Indo-European Active Structure and their Implications for the Relationships among the Dialects. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1995.

Schmidt 2000 – *Schmidt W.* Geschichte der deutschen Sprache, 8 изд.

Stuttgart: Hirzel S. Verlag, 2000.

Straßner 1980 – *Straßner E.* Sprache in Massenmedien // Hans Peter Althaus и др. (ред.). Lexikon der Germanistischen Linguistik, 2 изд., т. 2. Tübingen: Niemeyer, 1980.

Von Polenz 1978 – *Von Polenz P.* Geschichte der deutschen Sprache, 9 изд. Berlin: Gruyter, Walter de GmbH, 1978.

Von Polenz 1999 – *Von Polenz P.* Deutsche Sprachgeschichte vom Spätmittelalter bis zur Gegenwart. Berlin: Gruyter, Walter de GmbH, 1999.